

Б. Р. Мандель

Всемирная литература

Нобелевские лауреаты
(1981-2014)

Б. Р. Мандель

Всемирная литература: Нобелевские лауреаты (1981-2014)

Иллюстрированный учебник для студентов
высших учебных заведений
гуманитарного направления
(бакалавриат, магистратура)

DirectMEDIA

Москва-Берлин
2015

УДК 371
ББК 83.3 (3) я7
М23

Рецензенты:

Платонова Ю. В., кандидат филологических наук;
Павленко А. П., кандидат педагогических наук

Мандель Б. Р.

М23 Всемирная литература: Нобелевские лауреаты (1981-2014) : иллюстрированный учебник для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления (бакалавриат, магистратура) / Б. Р. Мандель. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 785 с.

ISBN 978-5-4475-3778-4

Данный учебник представляет собой продолжение курса «История зарубежной литературы», изучаемого в высших учебных заведениях гуманитарного направления согласно Федеральным образовательным стандартам и образовательным программам. Кроме того, в большей части, материал учебника соответствует также стандартизированным принципам курса «Литература»

Учебник освещает основные этапы жизни и творчества выдающихся писателей мира, делая упор на художественные особенности и мастерство. В учебнике сделана попытка охватить наиболее яркие произведения нобелиатов.

Учебник написано доступным языком.

Материал расположен в связи с хронологией событий, связанных с вручением Нобелевской премии по литературе. Кроме того, в книге содержатся отрывки из произведений, речей нобелиатов.

Одной из важнейших частей книги является список литературы, список художественных текстов, вопросы для самостоятельной подготовки к экзаменам и зачетам.

«Всемирная литература: Нобелевские лауреаты (1981-2014). Иллюстрированный учебник для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления (бакалавриат, магистратура)» представляется полезным не только для студентов и преподавателей высших учебных заведений, но и для всех, интересующихся историей мировой литературы.

УДК 371
ББК 83.3 (3) я7

ISBN 978-5-4475-3778-4

© Мандель Б. Р., текст, 2015

© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2015

Содержание

Введение.....	5
Глава I. Элиас Канетти (Canetti) 1981, Великобритания.....	7
Глава II. Габриэль Гарсия Маркес (García Marquez) 1982, Колумбия.....	28
Глава III. Уильям Голдинг (Golding) 1983, Великобритания.....	71
Глава VI. Ярослав Сейферт (Seifert) 1984, Чехословакия.....	95
Глава V. Клод Симон (Simon) 1985, Франция.....	122
Глава VI. Воле Шойинка (Soyinka) 1986, Нигерия....	134
Глава VII. Иосиф Александрович Бродский 1987, Россия – США.....	155
Глава VIII. Нагиб Махфуз (Mahfouz) 1988, Египет.....	187
Глава IX. Камило Хосе Села (Cela) 1989, Испания...	208
Глава X. Октавио Пас (Paz) 1990, Мексика.....	235
Глава XI. Надин Гордимер (Gordimer) 1991, ЮАР..	257
Глава XII Дерек Уолкотт (Walcott) 1992, С анта-Лючия.....	280
Глава XIII. Тони Моррисон (Morrison) 1993, США.....	291
Глава XIV. Кэндзабуро Оэ (Oe) 1994, Япония.....	309
Глава XV. Шеймас Хини (Heaney) 1995, Ирландия.....	340
Глава XVI. Вислава Шимборска (Szymborska) 1996, Польша.....	361
Глава XVII. Дарио Фо (Fo) 1997, Италия.....	376
Глава XVIII. Жозе Сарамаго (Saramago) 1998, Португалия.....	395

Глава XIX. Гюнтер Грасс (Grass) 1999, Германия.....	426
Глава XX. Гао Синцзянь (Xingjian) 2000, Китай.....	458
Глава XXI. Видьядхар Найпол (Nairaul) 2001, Великобритания.....	483
Глава XXII. Имре Кертес (Kertész) 2002, Венгрия.....	516
Глава XXIII. Джон Кутзее (Coetzee) 2003, Южно-Африканская республика	543
Глава XXIV. Эльфрида Елинек (Jelinek) 2004, Австрия.....	577
Глава XXV. Гарольд Пинтер (Pinter) 2005, Великобритания.....	600
Глава XXVI. Орхан Памук (Pamuk) 2006, Турция	620
Глава XXVII. Дорис Лессинг (Lessing) 2007, Великобритания.....	648
Глава XXVIII. Жан-Мари Гюстав Ле Клезю (Le Clézio) 2008, Франция, Маврикий.....	663
Глава XXIX. Герта Мюллер (Müller) 2009, Германия, Румыния	676
Глава XXX. Марио Варгас Льоса (Llosa) Перу, 2010.....	693
Глава XXXI. Тумас Транстремер (Tranströmer) Швеция, 2011	713
Глава XXXII. Мо Янь (莫言, Mò Yán) Китай, 2012..	725
Глава XXXIII. Элис Манро (Munro) Канада, 2013....	739
Глава XXXIV. Патрик Модiano (Modiano) Франция, 2014.....	750
Послесловие.....	771
Список дополнительной литературы для изучения творчества лауреатов Нобелевской премии	773
Список художественных текстов	780
Вопросы для самостоятельной подготовки	782

Введение

XX век продолжается. Идут восьмидесятые годы. Продолжается битва за космос... Земля содрогается от взрывов: национальные революции, Чили, Вьетнам, арабы, евреи. Всем довольный и увешанный орденами Генеральный секретарь и хитрые западные президенты жмут друг другу руки или нежно и сладко целуются... Звучат песни бардов, появляются первые клипы, распадаются государства и меняются названия. Уходят навсегда великие музыканты и поэты... Выигрываются и проигрываются Олимпиады. По России гуляет «самиздат» и подпольные первые видеокассеты...

На наших столах скоро появятся компьютеры с текстовыми редакторами... А за спинами нашими снова поднимаются в небо ракеты, несущие смерть всем и везде...

Исчезают растения и строятся города на Крайнем Севере, снимаются чудесные фильмы и пишутся картины, войдут в вечность...

Но самое главное, появляются новые книги... Книги, то что столько лет существует в мире, то, что будет существовать вечно, несмотря на то, что сменяются пишущие приборы, исчезнет бумага и появятся электронные запоминающие устройства... Мысль у человека будет биться всегда, вдохновение не покинет землян и позволит им путешествовать во времени так же свободно, как и в пространстве...

Книги... Они будут всегда. Пусть стареют члены Политбюро и реформируются государственные системы, пусть телевидение становится многоканальным, цветным и стереофоническим, пусть телефон превратится в миниатюрный прибор, говорящий о престиже или амбициях хозяина... Пусть мир будет разным — злым и добрым, богатым и бедным, пусть предсказывают его конец в жестоких мучениях, книги будут всегда...

Великая литература продолжается...

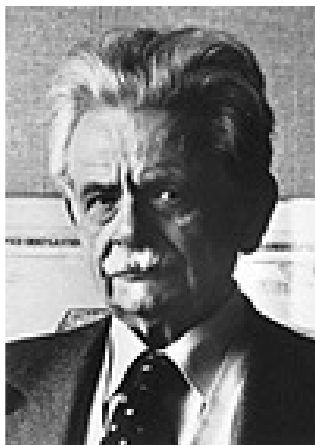
Мир ушел в новое тысячелетие, и разве не характерно для конца века было ожидание конца света? Но и это уходит, XXI век уверенно шагает, унося нашу планету все дальше...

И мы по-прежнему учимся и читаем, мы перелистываем страницы, несмотря на светящиеся рядом мониторы компьютеров, а современная музыка не отвлекает нас от великих страниц, с которых приходят к нам снова и снова и вечные темы, и вечные образы... И какое счастье, что теперь мы можем читать практически все, препятствий нет, различий нет, и за нами остается только выбор и собственная, своя личная оценка великих книг, свое мнение, своя любовь и нелюбовь, но книги останутся, и так будет всегда, всегда...

Глава I

Элиас Канетти (Canetti)

1981, Великобритания

Элиас Канетти

Австрийский писатель и драматург болгарского происхождения *Элиас Канетти* (25 июля 1905 года – 13 августа 1994 года) родился в сефардской еврейской семье в Русуке (Болгария), многонациональном портовом городе в нижнем течении Дуная. Он был старшим из трех сыновей в семье процветающих коммерсантов, родным языком которых был ладино, диалект испанского, на котором говорили сефарды. Дед Канетти с отцовской стороны знал семнадцать языков, а родители Элиаса, Матильда (Ардитти) и Жак Канетти, получивший образование в Вене, дома говорили только по-немецки – на этом же языке стал говорить и писать и их сын, Элиас.

Когда Канетти было 6 лет, его семья переехала в Манчестер (Великобритания), где мальчик поступил в

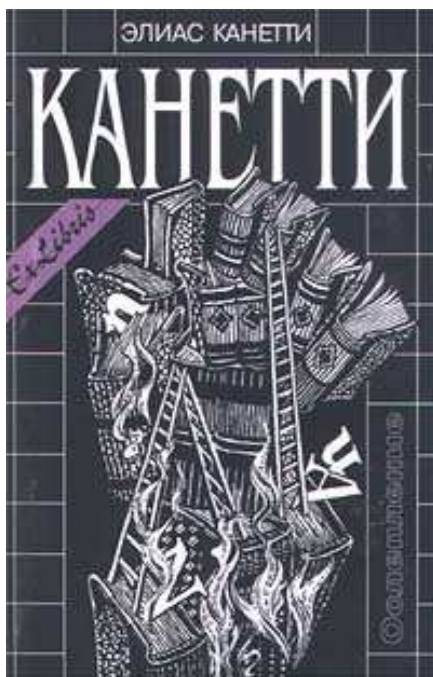
школу, выучил английский язык и начал читать классиков, на чем настаивал его отец, которому в свое время пришлось забросить литературу и заняться традиционным в семье хлопчатобумажным производством. По словам Канетти, отец сказал ему: «Ты будешь заниматься тем, чем захочешь». Менее, чем через год отец Канетти скоростижно скончался, и мать возвратилась с детьми на континент, где стала заниматься с Канетти немецким, чтобы мальчик смог поступить в школу в Вене. Именно влиянием матери Канетти объясняет свою любовь к этому языку. Позднее он писал, что без матери и немецкого языка, которые тесно переплелись в сознании писателя, его «будущая жизнь стала бы бессмысленной и непостижимой».

После трехлетнего обучения в венской школе Канетти с 1916 года по 1921 год учился в Цюрихе, который впоследствии назовет «раем своей юности». В эти годы юноша создает свое первое литературное произведение, пьесу в стихах «Юний Брут» («Junius Brutus»).

В 1921 году мать Канетти, обеспокоенная тем, что сын живет в Цюрихе слишком беззаботной жизнью, отвезла его во Франкфурт в надежде на то, что суровые условия послевоенной Германии вернут юноше чувство реальности. Здесь Канетти за три года прошел школьный курс, после чего вернулся в Вену, где, уступая желанию матери, поступил в Венский университет на химический факультет, который и закончил в 1929 году. Тем не менее, из-за давнишнего желания стать писателем, а также из-за полного отсутствия интереса к химии молодой человек целиком посвящает себя литературе. В это время юноша посещает известного австрийского сатирика Карла Крауса, влияние которого, по словам самого Канетти, заключалось в появившемся у него стремлении научиться «совмещать язык и личность». Позднее Канетти говорил, что имен-

но Краус научил его искусству слушать: «Слушая его, я уже не мог потом не слушать самого себя».

Побывав в 1928 году в Берлине, где Канетти встретился с Бертольдом Брехтом, Исааком Бабелем и Георгом Грошем, начинающий писатель задумал серию романов о человеческом безумии, в каждом из которых герой должен был представить тот или иной тип маньяка.

Знал ли писатель, как его будут издавать и читать в России?

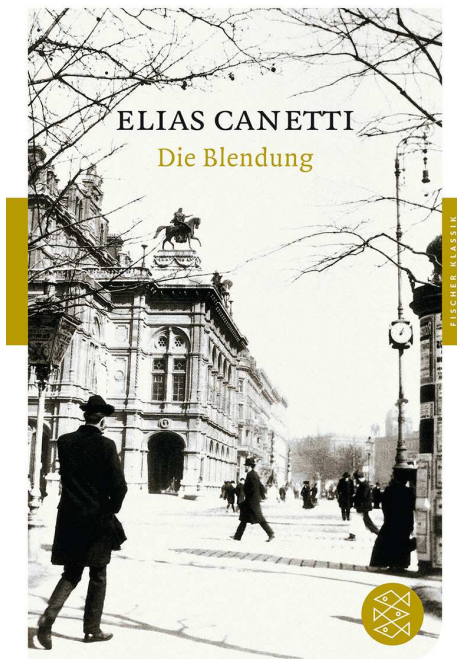
Так, в 1935 году появляется роман «Ослепление» («Die Blendung») – первый и последний из задуманной писателем серии о безумцах. Герой романа Кин, ученый-отшельник, живет в венской квартире, забитой его

огромной библиотекой. Помешательство Кина начинается с того, что он скоропалительно женится на своей домашней хозяйке, которая вывозит его в «свет» погрязшего в разврате города, отчего герой окончательно сходит с ума и кончает с собой.

Роман, в котором, по мнению критиков, Канетти удалось опередить свое время и разоблачить фашизм, получил высокую оценку Томаса Манна и других крупных писателей довоенного времени. Через несколько лет после выхода романа он был официально запрещен в нацистской Германии. Впоследствии английская писательница Айрис Мердок назвала «Ослепление» «одной из немногих великих книг нашего столетия». Мердок посвятила Канетти свой роман «Бегство от волшебника», а сам Канетти, возможно, послужил прототипом для ее «волшебника», всемогущего философа, главного героя ее книги.

Роман Канетти, писателя интеллектуального и многоязычного, написан только одной стороной – «австрийской»: действие происходит в Вене, а импульс к написанию произведения и ряд моментов литературной техники Канетти воспринял из австрийской исторической и культурной ситуации. Другой своей ипостасью «Ослепление» – книга, точно вошедшая в общеевропейский (и мировой) контекст «модернистской» литературы, то есть литературы современной, впитавшей в себя все сложности и комплексы развития XX столетия: среди параллельных ему явлений в мировой литературе можно назвать джойсовского «Улисса», прозу Кафки и Германа Броха. А можно добавить и Борхеса с Набоковым – по некой надмирности, ориентированности на культурное развитие человечества в целом, вне преград и рамок национального, и по великолепной работе с материалом литературной и философской традиции, и по влюбленности в виртуозность

шахматной игры с читателем, игры математически выверенной, строгой игры сопряженной с многозначной символикой.

Это уже современное издание знаменитой книги

«Здесь появляется число три, снимающее вопросы. Два – не более чем совпадение, а три – утверждение божественное или теологическое», – писал Хорхе Луис Борхес, слепой хранитель библиотеки, вполне конкретной, Национальной, и библиотеки Мировой, содержащейся в его сознании. Фигура Петера Кина, ученого-синолога, владельца и хранителя огромной частной библиотеки, содержащейся одновременно в

его голове, бросает гротескный отблеск на ситуацию и литературные тексты Борхеса. Итак, Борхес оказывает явное влияние на «Ослепление». Конечно, Борхес, Набоков и Канетти – обитатели разных географических пространств, однако обживаемые ими пространства культуры странным и притягательным образом обнаруживают удивительное сходство, и читателю, которому хватит на то знаний и воображения, почувствует редкостное наслаждение следовать взором знатока за узорами в этом «саду камней», в этом пространстве игры ума, игры истории, игры переплетающихся друг с другом фигур и сюжетов мировой литературы.

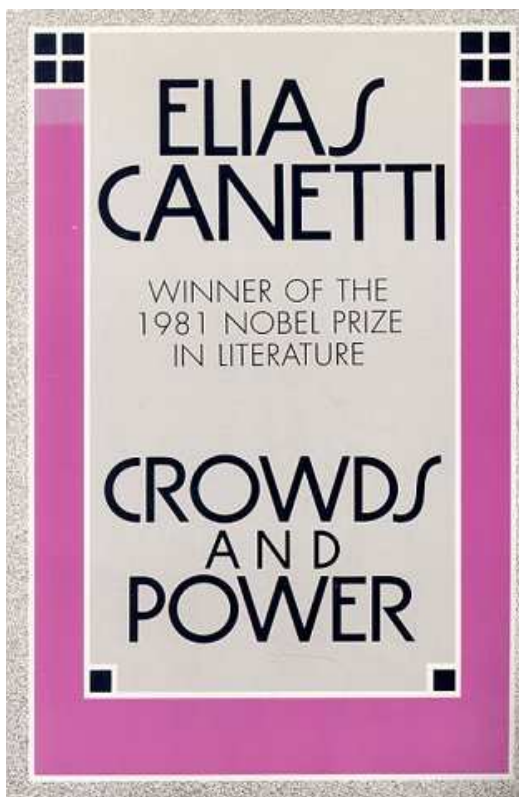
Каждый из сюжетных или смысловых поворотов истории Петера Кина в той или иной степени отражает тему слепоты («ослепления»), наступающей персонажей Канетти не в буквальном, а в символическом смысле – слепота сознания, обращенность взора внутрь собственного «я», замкнутого в узких рамках самодостаточности, мелкого тщеславия. Этот узкий круг размыкается лишь в состоянии слияния с «массой», с аффектированным поведением толпы, ослепленной жаждой разрушения. Последним деянием ослепленного является акт насилия (или освобождения), подсмотренный писателем в истории библейского Самсона: Петер Кин, женившийся на своей экономке Терезе, выдан ею на потребу «массе», улице, оторван от своих книг. Вернувшись в конце романа с помощью своего «нормального» брата Георга (увлеченного своими пациентами владельца и директора сумасшедшего дома в Париже) в заставленную книгами квартиру, Кин устраивает апокалипсис – громадный костер из книг, в пламени которого погибает сам, хохоча во все горло...

Фрагмент спектакля, созданного по мотивам пьес и романа Канетти «Ослепление» Венским театром «Драма». 2005 год

В 30-е годы Канетти написал две пьесы – «Свадьбу» («Die Hochzeit», 1932) и «Комедию тщеславия» («Die Komodie der Eitelkeit», 1934), в которых зло высмеиваются человеческие слабости и которые являются предтечей театра абсурда. Более поздняя драма Канетти «Ограниченные сроком» («Die Befristeten», 1952), поставленная в Англии в 1956 году, – философская пьеса об обществе, в котором каждый знает точный момент своей смерти. Как и в ранних пьесах, в «Ограниченных сроком» драматург снова пользуется приемами театра абсурда.

Распространение нацизма и систематическое преследование евреев в Германии вынудили Канетти уехать из Вены в Париж. Когда же нацистская петля над Европой стала затягиваться еще туже, писатель переезжает в Лондон, где и живет уже до конца жизни.

*«Масса и власть» – книга Э.Канетти,
изданная в Лондоне в 1982 году*

В Лондоне Канетти приступает к многолетней научной работе, в результате которой создает свой шедевр «Масса и власть» («Mass und Macht», 1960), многогранное исследование о массовых движениях с привлечением фольклора, мифологии, литературы и истории. Мысль об этом труде возникла у Канетти под влиянием событий того дня, который он назвал самым решающим в его жизни: 15 июля 1927 года будущий писатель стал свидетелем пожара в венском Дворце

правосудия, подоженного группой бунтующих рабочих. Глубоко потрясенный увиденным, Канетти решил заняться психологией толпы.

Масса

Боязнь прикосновения и ее метаморфозы

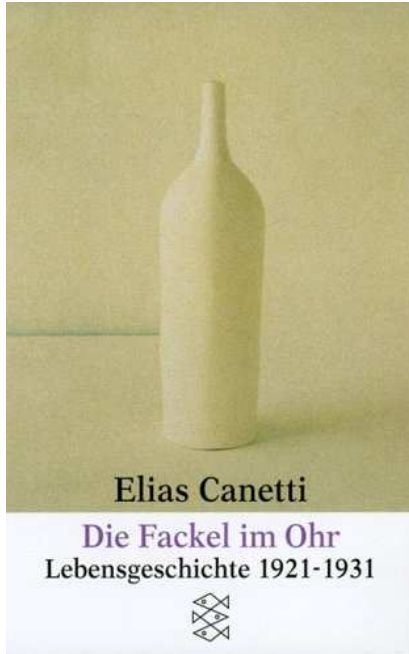
Ничего так не боится человек, как непонятого прикосновения. Когда случайно дотрагиваешься до чего-то, хочется увидеть, хочется узнать или, по крайней мере, догадаться, что это. Человек всегда старается избежать чужеродного прикосновения. Внезапное касание ночью или вообще в темноте может сделать этот страх паническим. Даже одежда не обеспечивает достаточной безопасности: ее так легко разорвать, так легко добраться до твоей голой, гладкой, беззащитной плоти.

*Эта боязнь прикосновения побуждает людей всячески отгораживаться от окружающих. Они запираются в домах, куда никто не имеет права ступить, и лишь ИВМ чувствуют себя в относительной безопасности. Взломщика бояться не только потому, что он может ограбить, страшно, что кто-то внезапно, неожиданно схватит тебя из темноты. Рука с огромными ногтями обычный символ этого страха. Отсюда во многом двойственный смысл немецкого слова *angreifen*. Оно может означать и безобидное прикосновение, и опасное нападение, причем в первом значении всегда присутствует оттенок второго. Основное же значение существительного *Angriff* уже исключительно отрицательное: нападение, атака.*

Нежелание с кем-либо соприкоснуться сказывается и на нашем поведении среди других. Характер наших движений на улице, в толпе, в ресторанах, в поездах и автобусах во многом определяется этим страхом. Даже когда мы оказываемся совсем рядом с другими людьми, ясно их видим и прекрасно знаем, кто это, мы по возможности избегаем соприкосновений. Коли же, напротив, мы рады коснуться кого-то, значит, этот человек оказался нам просто приятен, и сближение происходит по нашей инициативе.

Быстрота, с какой мы извиняемся, нечаянно кого-то задев, напряженность, с какой обычно ждешь извинения, резкая и подчас не только словесная реакция, если его не последует, неприязнь и враждебность, которую испытываешь к «злоумышленнику», даже когда не думаешь, что у него и впрямь были дурные намерения, весь этот сложный клубок чувств вокруг чужеродного прикосновения, вся эта крайняя раздражительность, возбудимость свидетельствуют о том, что здесь оказывается задето что-то затаенное в самой глубине души, что-то вечно недремлющее и коварное, что-то никогда не покидающее человека, однажды установившего границы своей личности. Такого рода страх может лишить и сна, во время которого ты еще беззащитней.

Освободить человека от этого страха перед прикосновением способна лишь масса. Только в ней страх переходит в свою противоположность. Для этого нужна плотная масса, когда тела прижаты друг к другу, плотная и по своему внутреннему состоянию, то есть когда даже не обращаешь внимания, что тебя кто-то «теснит». Стоит однажды ощутить себя частицей массы, как переставешь бояться ее прикосновения. Здесь в идеальном случае все равны. Теряют значение все различия, в том числе и различие пола. Здесь, сдавливая другого, сдавливаешь сам себя, чувствуя его, чувствуешь себя самого. Все вдруг начинает происходить как бы внутри одного тела. Видимо, это одна из причин, почему массе присуще стремление спланиваться тесней: в основе его желание как можно в большей степени освободить каждого в отдельности от страха прикосновения. Чем плотней люди прижаты друг к другу, тем сильнее в них чувство, что они не боятся друг друга. Этот переход боязни прикосновения в другое качество — свойство массы. Облегчение, которое в ней начинаешь испытывать и о котором еще пойдет речь в другой связи, становится наиболее ощутимо при самой большой ее плотности.

Автобиографическая книга Э.Канетти «Факел в ухе»

Открытая и закрытая масса

Масса, вдруг возникающая там, где только что ничего не было, явление столь же загадочное, сколь и универсальное. Стояли, допустим, вместе несколько человек, пять, десять, от силы двенадцать, не больше. Не было никаких объявлений, никто ничего не ждал. И вдруг все уже черно от людей. Они стекаются сюда отовсюду, как будто движение по улицам стало односторонним. Многие понятия не имеют, что случилось, спросят их об этом они не смогут ответить; и все-таки они спешат присоединиться к толпе. Их движению присуща решительность, свидетельствующая отнюдь не о простом любопытстве. Можно сказать, что движение одного оказывается заразительным для другого, но дело не только в этом: у них есть цель.

Она появилась прежде, чем они это осознали: цель — самое черное место, место, где собралось больше всего людей.

Об этой ярко выраженной форме спонтанной массы следует кое-что сказать. В месте своего возникновения, то есть собственно в своем ядре, она не так уж спонтанна, как кажется. Но в остальном, если не считать пяти, десяти или двенадцати человек, с которых она началась, масса действительно характеризуется этим свойством. Возникнув однажды, она стремится возрастая. Стремление к росту первое и главнейшее свойство массы. Она готова захватить каждого, кого только можно. Всякий, имеющий облик человеческого существа, может к ней примкнуть. Естественная масса есть открытая масса: для ее роста вообще не существует никаких границ. Она не признает домов, дверей и замков; ей подозрительны те, кто от нее запирается. Слово «открытая» здесь следует понимать во всех смыслах, она такова всюду и во всех направлениях. Открытая масса существует, пока она растет. Как только рост прекращается, начинается ее распад.

Ибо распадается масса так же внезапно, как возникает. В этой своей спонтанной форме она — образование чувствительное. Открытость, позволяющая ей расти, одновременно опасна для нее. Предчувствие грозящего распада всегда присутствует в ней. Она пытается избежать его, стараясь быстрее расти. Она вбирает в себя всех, кого только можно, но, когда никого больше не остается, распад становится неизбежным. Противоположностью открытой массе, которая может расти до бесконечности, которая есть повсюду и именно потому претендует на универсальность, является закрытая масса.

Э.Канетти, такой обычный человек... Снимок 90-х годов

Эта отказывается от роста, для нее самое главное устойчивость. Ее примечательная черта – наличие границы. Закрытая масса держится стойко. Она создает для себя место, где обособляется; есть как бы предназначенное ей пространство, которое она должна заполнить. Его можно сравнить с сосудом, куда наливается жидкость: известно, сколько жидкости войдет в этот сосуд. Доступ на ее территорию ограничен, туда не пойдешь так просто. Границы уважаются. Эти границы могут быть каменными, в виде крепких стен. Может быть установлен особый акт приема, может существовать определенный взнос для входа. Когда пространство оказывается заполнено достаточно плотно, туда никто больше не допускается. Если какая-то часть желающих осталась за его пределами, в расчет всегда берется лишь плотная масса внутри закрытого пространства, остальные не считаются принадлежащими к ней всерьез. Граница препятствует нерегулируемому приросту, но она затрудняет и замедляет также возможность распада. Теряя в росте, масса соответственно приобретает в устойчивости. Она защищена от внешних воздействии, которые могут быть для

нее враждебны и опасны. Но особенно много значит для нее возможность повторения. Перспектива собираться вновь и вновь всякий раз позволяет массе избежать распада. Ее ждет какое-то здание, оно существует специально ради нее, и, покуда оно существует, масса будет собираться здесь и впредь. Это пространство принадлежит ей даже во время отлива, и в своей пустоте оно предвещает время прилива.

*Культурологический и философский труд Э.Канетти
об Африке и африканцах*

Разрядка

Важнейший процесс, происходящий внутри массы, разрядка. До нее массы в собственном смысле слова еще не существует, по-настоящему ее создает разрядка. Это миг, когда все принадлежащие к ней отбрасывают различия и чувствуют себя равными.

Имеются в виду прежде всего обусловленные внешне должностные, социальные, имущественные различия. Каждый по отдельности человек обычно очень хорошо их чувствует. Они тяжело его гнетут, поневоле и неизбежно разъединяют людей. Человек, занимающий определенное, надежное место, чувствует себя вправе никого к себе близко не подпускать. Он стоит, выразительный, полный уважения к себе, словно ветряная мельница среди просторной равнины; до следующей мельницы далеко, между ними пустое пространство. Вся известная ему жизнь основана на чувстве дистанции: дам, которым он владеет и в котором запирается, должность, которую он занимает, положение, к которому он стремится, все служит тому, чтобы укрепить и увеличить расстояние между ним и другим. Свобода какого-либо более глубокого движения от человека к человеку ограничена. Все порывы, все ответные попытки иссякают, как в пустыне. Никому не дано приблизиться к другому, никому не дано сравняться с другим. Прочно утвердившиеся иерархии в любой области жизни не позволяют никому дотянуться до более высокого уровня или опуститься на более низкий, разве что чисто внешне. В разных обществах соотношения этих дистанций между людьми бывают различными. В некоторых решающую роль играет происхождение, в других род занятий или имущественное положение.

Здесь не место подробно характеризовать эти субординации. Важно отметить, что они существуют повсюду, повсюду осознаются и решающим образом определяют отношения между людьми. Удовольствие занимать в иерархии более высокое положение не компенсирует утраты в свободе движения. Застывший и мрачный, человек стоит на отдалении от других. На его

плечах тяжкий груз и он не может сдвинуться с места. Он забывает, что сам взвалил эту тяжесть на себя, и мечтает от нее освободиться. Но как ему это сделать? Что бы он ни решил, как бы ни старался, он живет среди других, которые сведут все его усилия на нет. Пока они сами продолжают соблюдать дистанцию, ему не приблизиться к ним ни на шаг.

Освободиться от этого сознания дистанции можно лишь сообща. Именно это и происходит в массе. Разрядка позволяет отбросить все различия и почувствовать себя равными. В тесноте, когда между людьми уже нет расстояния, когда тело прижато к телу, каждый ощущает другого как самого себя. Облегчение от этого огромно. Ради этого счастливого мгновения, когда никто не чувствует себя больше, лучше другого, люди соединяются в массу.

Но миг разрядки, столь желанный и столь счастливый, таит в себе и свои опасности. Уязвима главная иллюзия, которую он порождает: ведь люди, вдруг ощутившие себя равными, не стали равными взаправду и навсегда. Они возвращаются каждый в свой дом, ложатся спать каждый в свою постель. Каждый сохраняет свое имущество. Никто не отказывается от своего имени. Никто не прогоняет своих родственников. Никто не убегает от своей семьи. Лишь когда дело доходит до действительно серьезных перемен, люди порывают старые связи и вступают в новые. Такого рода союзы, которые по своей природе могут охватить лишь ограниченное число участников и, чтобы обеспечить свою устойчивость, должны устанавливать жесткие правила, я называю кристаллами масс. О них еще будет сказано подробнее. Но сама масса распадается. Она чувствует, что распадется. Она боится распада. Она может сохраниться лишь в том случае, если процесс разрядки продолжится, если он вовлечет в себя людей, примкнувших к ней. Лишь рост массы дает возможность принадлежащим к ней не возвращаться к грузу своих частных тягот.

(«Масса и власть», перевод М.Харитонova)

В 1981 году Канетти получает Нобелевскую премию по литературе «за произведения, отмеченные широтой мировоззрения, богатством идей и художественной силой». В своей приветственной речи Й.Эдфельд, член Шведской академии, высоко оценил «великий роман «Ослепление» как самое выдающееся из произведений Канетти», добавив при этом, что «в книге так много фантастического и демонического, что поневоле напрашиваются ассоциации с такими русскими писателями XIX века, как Гоголь и Достоевский». Затем Эдфельд назвал «Массу и власть» «авторитетным трудом, цель которого объяснить и обличить... религию власти». Хотя Канетти присутствовал на церемонии награждения, Нобелевской лекции он не читал.

Аверс памятной медали Э.Канетти

Выпустив в свет свой капитальный труд, Канетти продолжает писать книги о психологии литературного творчества. Таков, например, «Еще один процесс Кафки: письма к Фелице» («Der andere Prozess: Kafkas Briefe

an Felice», 1969), где делается попытка нащупать связь между жизнью и творчеством Кафки. Канетти выпускает и две книги автобиографического характера: «Спасенный язык» («Die gerettete Zunge», 1980) и «Факел в ухе» («Die Fackel im Ohr», 1982).

В этом доме в Лондоне Э.Канетти жил и творил много лет

Ко времени получения Нобелевской премии Канетти лучше всего был известен западноевропейским читателям, которые владели немецким языком и могли по достоинству оценить ясный, экономный язык в традициях Гете. Один из переводчиков Канетти, И.Нойгрошель, считал, что стиль Канетти в разное время бывал различным: «В его ранних произведениях очень сложный синтаксис, зато воспоминания его прозрачны и непосредственны. Хотя он и пишет по-немецки, язык этот является для него выученным, отчето стиль его произведений отличается большей точностью, разнообразием и богатством».

Подобно многим писателям своего поколения, Канетти был вынужден перенести изгнание, которому не раз подвергались его предки. «Поскольку я еврей, язык моего интеллекта остается немецким, – говорил Канетти, – однако я несу в себе наследие всех народов». «У Канетти – изгнанника, – как отмечалось в докладе Шведской академии, – есть только одна родина, и родина эта – немецкий язык».

*Место последнего упокоения Э.Канетти.
Далеко от исторической родины, в Лондоне*

Благодаря «Ослеплению» Канетти занял видное место в той традиции европейской литературы, которую представляет Кафка, а после того, как этот роман был переведен на другие языки, Канетти получил признание и у широкого западного читателя, и в академических кругах, где его слава постоянно продолжала расти. За свои произведения, обладающие общечеловеческими достоинствами, он был назван «писателем XVIII века, живущим в XX». По словам критика

Д.Стайнера, «сам факт существования такого писателя, как Канетти, является честью для литературы».

Айрис Мердок заметила, что «Канетти совершил то, что должны делать философы и что они раньше делали... Он также продемонстрировал взаимодействие «мифического» с повседневным в человеческой жизни». Американская писательница и критик С.Зонтаг отозвалась о Канетти как о человеке, «остро чувствующем ответственность за слова; в своих произведениях он старается поделиться тем, что узнал благодаря своему внимательному отношению к миру. И это не какая-то догма, а смесь боли, горячности, скорби и эйфории. Страстное сознание порождает страсть».

Стоит добавить следующее: в 1934 году Канетти женился на Венеции Тоубнер-Калдерон, с которой он впервые встретился на одной из лекций Карла Крауса в 1924 году. После ее смерти (1963) писатель женится во второй раз на Гере Бушор и живет вместе с женой и сыном в Цюрихе и Лондоне. Британское гражданство Канетти получил в 1952 году.

Помимо Нобелевской премии (Канетти стал первым болгаринoм – Нобелевским лауреатом) писатель был удостоен многих других литературных наград, в том числе Международного Парижского приза (1949), Писательской премии города Вены (1966), Мюнхенской премии Георга Бюхнера (1972), Дортмундской премии Нелли Закс (1976) и премии Кафки (1981), одной из наиболее престижных литературных наград Австрии.

Умер писатель в своем доме, в Лондоне, в августе 1994 года. На русский язык роман «Ослепление» был переведен уже после получения Канетти Нобелевской премии, в 1988 году. Вполне понятные проблемы были с его публицистикой и знаменитым трудом «Масса и власть», который и до сих пор полностью не напечатан

в нашей стране. Надо отметить, что роман Канетти, на сегодняшний день уже неоднократно переизданный, никогда не залеживается в книжном магазине – притягательность этой книги давно почувствовали и русскоязычные читатели...

Глава II

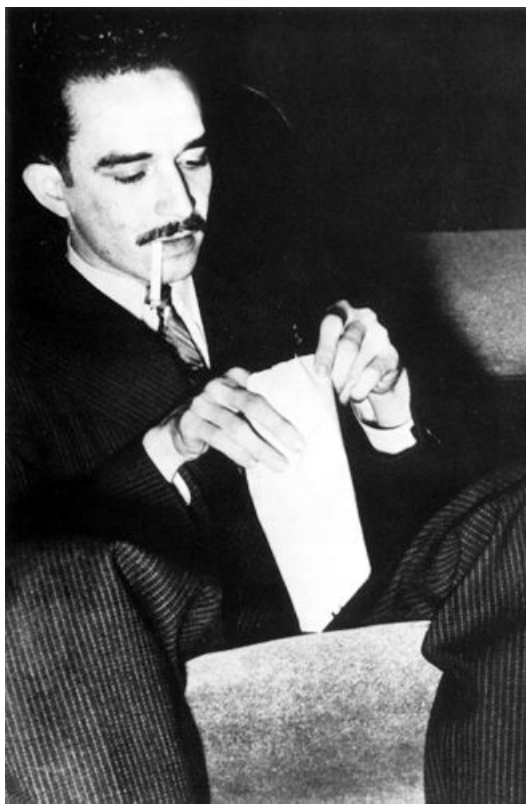
Габриэль Гарсия Маркес (García Marquez) 1982, Колумбия

Габриэль Гарсия Маркес

Колумбийский прозаик и журналист *Габриэль Хосе Гарсия Маркес* (6 марта 1928 года – 17 апреля 2014 года), старший из шестнадцати детей, родился в Колумбии в городке Аракатака – банановом порту на берегу Карибского моря. Когда Гарсия Маркес был еще ребенком, его отец, низкооплачиваемый телеграфист, переехал с женой в другой город, оставив Габриэля на воспитание родителям жены. Особенно близок Гарсия Маркес был со своей бабушкой, поведавшей ему немало легенд и мифов, которые легли в основу многих произведений

будущего писателя. Дед Гарсии Маркеса, полковник в отставке, рассказывал внуку «нескончаемые истории о гражданской войне, своей молодости». «Он брал меня в цирк и в кино и был своего рода пуповиной, связывавшей меня с историей и реальностью», – вспоминает писатель.

Г.Гарсия Маркес – молодой журналист и начинающий писатель

После смерти деда (1936) Гарсия Маркес недолгое время учился в Барранкилье, пока не приобрел достаточно знаний, чтобы посещать иезуитский колледж в

городке Зипакира недалеко от Боготы, где он получил степень *bachillerato*, что приблизительно соответствует диплому выпускника колледжа в Соединенных Штатах.

В Колумбийский университет на юридический факультет Гарсия Маркес поступил в 1947 году – в том же году в боготской газете «Наблюдатель» («*Espectador*») была опубликована его первая повесть «Третий отказ» («*La tercera resignacion*»). В течение последующих шести лет в этой же газете увидели свет около дюжины рассказов Гарсии Маркеса. Переехав в 1948 году в Картахену, писатель продолжил свое юридическое образование и два года спустя стал репортером в «Геральде» («*Heraldo*»), где вел постоянную рубрику «Жираф».

В 1954 году Гарсия Маркес вновь возвращается в Боготу и становится репортером «Наблюдателя».

Забавно, но в этом доме можно было жить...

Как серьезный прозаик Гарсия Маркес впервые проявляет себя в 1955 году, написав повесть «Палая ли-

ства» («La hojarasca»). В это же время он печатает в «Наблюдателе» 14 статей из морской жизни, где вскрывает факты перевозки контрабанды колумбийскими военными кораблями. Эти статьи вызвали такой скандал, что газета была закрыта, а Гарсия Маркес, посланный в Европу корреспондентом «Наблюдателя», остался без средств к существованию.

В 1958 году Гарсия Маркес женится на Мерседес Барча: у них два сына – Родриго и Гонсалес.

Проработав в Европе (Польша, Франция, Италия) внештатным журналистом два года, Гарсия Маркес устроился в Пренса Латина – кубинское правительственное агентство новостей, а в 1961 году перебрался в Мехико, где зарабатывал на жизнь сценариями и журнальными статьями, а в свободное время писал рассказы...

Она пристально смотрела на меня, а я все не мог понять, где прежде я видел эту девушку. Ее влажный тревожный взгляд заблестел в неровном свете керосиновой лампы, и я вспомнил – мне каждую ночь снится эта комната и лампа, и каждую ночь я встречаю здесь девушку с тревожными глазами. Да-да, именно ее я вижу каждый раз, переступая зыбкую грань сновидений, грань яви и сна. Я отыскал сигареты и закурил, откинувшись на спинку стула и балансируя на его задних ножках, – терпкий кислородный дым заструился кольцами. Мы молчали. Я – покачиваясь на стуле, она – грея тонкие белые пальцы над стеклянным колпаком лампы. Тени дрожали на ее веках. Мне показалось, я должен что-то сказать, и я произнес наугад: «Глаза голубой собаки», – и она отозвалась печально: «Да. Теперь мы никогда этого не забудем». Она вышла из светящегося круга лампы и повторила: «Глаза голубой собаки. Я написала это повсюду».

Она повернулась и отошла к туалетному столику. В круглой луне зеркала появилось ее лицо – отражение лица, его

оптический образ, двойник, готовый раствориться в трепетном свете лампы. Грустные глаза цвета остывшей золы печально посмотрели на меня и опустились, она открыла перламутровую пудреницу и коснулась пуховкой носа и лба. «Я так боюсь, — сказала она, — что эта комната приснится кому-нибудь еще, и он все здесь перепутает». Она щелкнула замочком пудреницы, поднялась и вернулась к лампе. «Тебе не бывает холодно?» — спросила она. «Иногда бывает...» — ответил я. Она раскрыла озявшие руки над лампой, и тень от пальцев легла на ее лицо. «Я, наверно, простужусь, — пожаловалась она. — Ты живешь в ледяном городе».

Сборник рассказов Маркеса разных лет

Керосиновый огонек делал ее кожу медно-красной и глянцевой. «У тебя бронзовая кожа, — сказал я. — Иногда мне кажется,

что в настоящей жизни ты должна быть бронзовой статуэткой в углу какого-нибудь музея». «Нет, — сказала она. — Но порой мне и самой кажется, что я металлическая — когда я сплю на левом боку и сердце гулко бьется у меня в груди». — «Мне всегда хотелось услышать, как бьется твое сердце». — «Если мы встретимся наяву, ты сможешь приложить ухо к моей груди и услышишь». — «Если мы встретимся наяву...» Она положила руки на стеклянный колтак и промолвила: «Глаза голубой собаки. Я всюду повторяю эти слова».

Глаза голубой собаки. С помощью этой фразы она искала меня в реальной жизни, слова эти были паролем, по которому мы должны были узнать друг друга наяву. Она ходила по улицам и повторяла как бы невзначай: «Глаза голубой собаки». II в ресторанах, сделав заказ, она шептала молодым официантам: «Глаза голубой собаки». II на запотевших стеклах, на окнах отелей и вокзалов выводила она пальцем: «Глаза голубой собаки». Люди вокруг лишь недоуменно пожимали плечами, а официанты кланялись с вежливым равнодушием. Как-то в аптеке ей почудился запах, знакомый по снам, и она сказала аптекарю: «Есть юноша, которого я вижу во сне. Он всегда повторяет: «Глаза голубой собаки». Может быть, вы знаете его?» Аптекарь в ответ рассмехался неприязненно и отошел к другому концу прилавка. А она смотрела на новый кафельный пол аптеки, и знакомый запах все мучил и мучил ее. Не выдержав, она опустилась на колени и губной помадой написала на белых плитках: «Глаза голубой собаки». Аптекарь бросился к ней: «Сеньорита, вы испортили мне пол. Возьмите тряпку и сотрите немедленно!» II весь вечер она ползала на коленях, стирая буквы и повторяя сквозь слезы: «Глаза голубой собаки. Глаза голубой собаки». А в дверях гоготали зеваки, собравшиеся посмотреть на сумасшедшую.

Она умолкла, а я все сидел, покачиваясь на стуле. «Каждое утро, — сказал я, — я пытаюсь вспомнить фразу, по которой должен найти тебя. Во сне мне кажется, что я хорошо заучил ее, но, проснувшись, я не могу вспомнить ни слова». — «Но ты

же сам придумал их!» — «Да. Они пришли мне в голову потому, что у тебя пепельные глаза. Но днем я не могу вспомнить даже твоего лица». Она стиснула в отчаянии пальцы: «Ах, если бы нам знать, по крайней мере, название моего города!»

Маркес за работой. Редкий снимок

Горькие складки легли в уголках ее губ. «Я хочу до тебя дотронуться», — сказал я. Она вскинула глаза, я язычки пламени заплясали в ее зрачках. «Ты никогда не говорил этого», — заметила она. «А теперь говорю». Она опустила глаза и попросила

сигарету. «Почему же, — повторила она, — мне никак не вспомнить название своего города?» — «А мне — наши заветные слова», — сказал я. Она грустно улыбнулась: «Эта комната снится мне так же, как и тебе». Я поднялся и направился к лампе, а она в испуге отступила назад, опасаясь, что я случайно заступлю за невидимую черту, пролегающую между нами. Взяв протянутую сигарету, она склонилась к огоньку лампы. «А ведь в каком-то городе мира все стены исписаны словами «Глаза голубой собаки», — сказал я. — Если я вспомню эти слова, я отправлюсь утром искать тебя по всему свету». Ее лицо осветилось красноватым огоньком сигареты, она глубоко затянулась и, покручивая сигарету в тонких пальцах, сказала: «Слава богу. Я, кажется, начинаю согреваться», — и проговорила нараспев, будто повторяя за пишущим пером: «Я... начинаю... — она задвигала пальцами, будто сворачивая в трубочку невидимый листок бумаги по мере того, как я прочитывал написанные на нем слова, — согреваться...» — бумажка кончилась и упала на пол — сморщенная, крохотная, превратившаяся в пыль золы. «Это хорошо, — сказал я. — Мне всегда страшно, когда ты мерзнешь».

Так мы и встречаемся с ней, вот уже несколько лет. Порою в тот момент, когда мы находим друг друга в лабиринте снов, кто-то там, снаружи, роняет на пол ложечку, и мы просыпаемся. Мало-помалу мы смирились с печальной истиной — наша дружба находится в зависимости от очень прозаических вещей. Какая-нибудь ложечка на рассвете может положить конец нашей короткой встрече.

Она стоит за лампой и смотрит на меня. Смотрит так же, как в первую ночь, когда я очутился среди сна в странной комнате с лампой и зеркалом и увидел перед собой девушку с пепельными глазами. Я спросил: «Кто вы?» А она сказала: «Не помню...» — «Но мы, кажется, уже встречались?» — «Может быть. Вы могли снится мне, в этой самой комнате». — «Точно! — сказал я. — Я видел вас во сне». — «Как забавно, — улыбнулась она. — Значит, мы с вами встречаемся в сновидениях?»

Она затянулась, сосредоточенно глядя на огонек сигареты. II мне опять показалось, что она — из меди, но не холодной и твердой, а из теплой и податливой. «Я хочу дотронуться до тебя», — повторил я. «Ты все погубишь, — испугалась она. — Прикосновение разбудит нас, и мы больше не встретимся». — «Вряд ли, — сказал я. — Нужно только положить голову на подушку, и мы увидимся вновь». Я протянул руку, но она не пошевелилась. «Ты все погубишь... — прошептала она. — Если переступить черту и зайти за лампу, мы проснемся заброшенные в разные части света». — «II все же», — настаивал я. Но она лишь опустила ресницы: «Эти встречи — наш последний шанс. Ты же не помнишь ничего наутро». II я отступил. А она положила руки на лампу и пожаловалась: «Я никогда не могу заснуть после наших встреч. Я просыпаюсь среди ночи и больше не могу сомкнуть глаз — подушка жжет лицо, и я все твержу: «Глаза голубой собаки. Глаза голубой собаки».

«Скоро рассвет, — заметил я. — Последний раз я просыпался в два часа, и с тех пор прошло много времени». Я подошел к двери и взялся за ручку. «Осторожнее, — предупредила она. — За дверью живут тяжелые сны». — «Откуда ты знаешь?» — «Со всем недавно я выходила туда и с трудом вернулась назад. А проснувшись, заметила, что лежу на сердце». — Но я все же приоткрыл дверь. Створка подалась, и легкий ветерок принес снаружи запах плодородной земли и возделанной пашни. Я повернул к ней голову и сказал: «Тут нет коридора. Я чувствую запах поля». — «Там, за дверью, — сказала она, — спит женщина, которая видит поле во сне. Она всегда мечтала жить в деревне, но так никогда и не выбралась из города». За дверью светало, и люди повсюду уже начали просыпаться. «Меня, наверное, ждут к завтраку», — сказал я.

Ветер с поля стал слабее, а потом стих. Вместо него слышалось ровное дыхание спящего, который только что перевернулся в постели на другой бок. Стих ветерок, а с ним умерли и запахи.

«Завтра мы непременно узнаем друг друга, – сказал я. – Я буду искать женщину, которая пишет на стенах: «Глаза голубой собаки». Она улыбнулась грустно и положила руки на остывающий колпак лампы: «Ты ничего не помнишь днем». Ее печальный силуэт уже начал таять в предустренном свете. «Ты удивительный человек, – сказала она. – Ты никогда не помнишь своих снов».

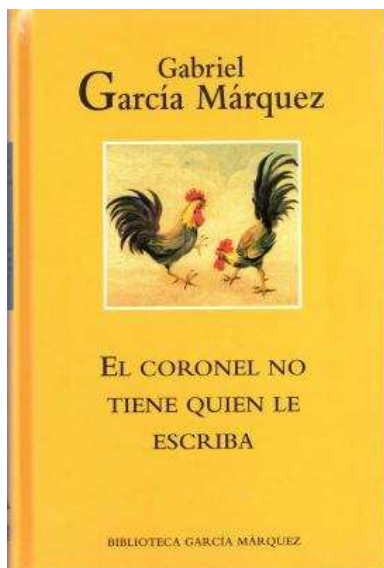
(«Глаза голубой собаки»,
перевод Сальниковой С.В., Шебшаевича П.В.)

С женой и сыном

Именно в Париже Маркес создает повесть «Полковнику никто не пишет», первый вариант которой он заканчивает в 1956 году, а отдельным изданием книга выходит в 1961 году. Повесть отмечена несомненным влиянием Хемингуэя, о чем Маркес сам неоднократно говорил, но, безусловно, в ней сказался и репортерский опыт автора. Стилистически произведения отличаются удивительный лаконизм, точность языка, емкость и

многозначность слова. Добиваясь художественной и психологической убедительности повествования, Маркес переписывал повесть 11 раз. Время действия – 1956 год, место действия – безымянный городок, но в снах и воспоминаниях главного героя – полковника, участника гражданской войны, живет другой город – Макондо, откуда он приехал много лет назад. Именно с Макондо входит в повествование «историческое» время, в котором сплавлены воедино реальные и легендарные события. «Полковнику никто не пишет» – книга об одиночестве и о стоическом противостоянии человека абсурдности бытия, нищете, голоду и немощи, бюрократическому равнодушию, о непоколебимой вере человека в торжество справедливости.

«Полковнику никто не пишет»...

За повестью «Полковнику никто не пишет» («El coronel no tiene quien le escriba») через год последовал сборник рассказов «Похороны Мама-Гранде» («Похороны Большой Мамы», «Los funerales de la Mama Grande»).

Обложка очередного издания рассказов Маркеса на русском языке

Вот теперь я им докажу, сказал он себе своим новым, низким голосом мужчины через много лет после того, как однажды ночью впервые увидел этот огромный трансокеанский лайнер, который беззвучно и с потушенными огнями прошел по бухте, похожий на громадный, покинутый людьми дворец, он был длиннее городка и намного выше, чем колокольня церкви, этот лайнер, который проследовал в темноте дальше, на другую сторону бухты, к укрытому от корсаров за крепостной стеной